

см. Kretschmer, K. Z. XXXIX, 539—548. Исторія современнаго греческаго *μουρούνι* въ наукѣ представляется слѣдующимъ рядомъ формъ: *μύραινα* — **μυραίνιον* — **μυρόνιον* — (*μυρόνιν*) — *μουρόνι*¹⁾ — *μουρούνι*. Форма *μυρόνιον* — *μυρόνιν* — *μυρόνι* (произнош. *míroni*) въ памятникахъ до сихъ поръ не отмѣчена, но весьма вѣроятно, что русск. миронъ см. рыба изъ рода короховъ, чебаковъ, усачь, *Surginus barbatus*. Даль³ II, 859, (—этимологически не объясненное) восходитъ къ этой греческой формѣ.—Такимъ образомъ работа о греческихъ элементахъ въ русскомъ языкѣ является весьма желательной и съ точки зрѣнія историка греческаго языка. Безъ сомнѣнія при разработкѣ этого вопроса будетъ найдено много интересныхъ формъ среднегреческаго языка, подтверждаемыхъ современными ново-греческими говорами. Разработкѣ этихъ матеріаловъ по примѣру Thumb'a (*Byz. Zeitschr.* IX, 449) благопріятствуетъ еще одно обстоятельство: греческія слова въ русскомъ языкѣ подверглись меньшимъ измѣненіямъ, чѣмъ напр. въ тальмудско-еврейскомъ или турецкомъ и поэтому съ бѣльшимъ успѣхомъ могутъ быть использованы для исторіи греческаго языка.

При изслѣдованіи греческихъ элементовъ въ русскомъ языкѣ главное затрудненіе представляетъ опредѣленіе ближайшей греческой формы, къ которой восходитъ данное русское слово. Именно въ виду того, что на этотъ пунктъ до сихъ поръ не обращалось вниманія, наши случайныя замѣтки, пожалуй, и могутъ разсчитывать на нѣкоторый интересъ:

акрида, саранча изъ ср.-греч. *ἀκρίδα* изъ др.-греч. *ἀκρίς*.
 вишня, *sf. fuscus*. русск. болг. серб. слов. изъ греч. *βύσσινον*, *βυσσινιά* *βυσσινιά* откуда турецк. *vişne*, литовск. *višnė*, латышск. *visna*, алб. *višje*, мадьярск. *visnye* см. Miklosich, *Etymol. Wörterb. d. slav. Spr.* 392; Psichari, *Études* LXX, G. Meyer, *Etym. Wörterb. d. albanes. Spr.* 473 sq., *Neugriech. Stud.* II, 80;

1) *μουρόνι* Рѣчь тонкосл. греч. 11, 26.